

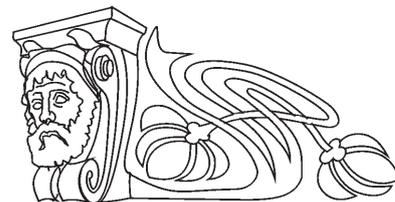
Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2022. Т. 22, вып. 3. С. 355–359
Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology, 2022, vol. 22, iss. 3, pp. 355–359
<https://soziopolit.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1818-9601-2022-22-3-355-359>

Научная статья
УДК 327.8

Влияние политики «мягкой силы» Китая в Азиатско-Тихоокеанском регионе

Юйхань^{1,2}, С. И. Попов¹

¹Российский университет дружбы народов (РУДН), Россия, 117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

²Педагогический университет Внутренней Монголии, Китай, автономный район Внутренняя Монголия, г. Хух-Хото, ул. Чжаоуда, д. 81

Юйхань, аспирант кафедры политического анализа и управления, ²старший преподаватель, 601247581@QQ.com, <https://orcid.org/0000-0003-3754-0257>

Попов Сергей Иванович, кандидат политических наук, доцент кафедры политического анализа и управления, serjpo@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2171-5817>

Аннотация. В статье рассмотрены актуальные вопросы реализации политики «мягкой силы» Китая в Азиатско-Тихоокеанском регионе. На примере государственных программ технологического и экономического развития, интегрирующих инструменты взаимодействия с правительствами государств АТР, продемонстрировано растущее влияние публичной дипломатии Китая. Сделан вывод о растущем влиянии вакцинной политики Китая для усиления своих дипломатических позиций в АТР в условиях преодоления негативных последствий кризиса, связанного с пандемией COVID-19. Перспективы «мягкой силы» Китая в регионе будут увеличиваться благодаря его экономическим ресурсам и созданию коалиций по международным вопросам, таким как пандемия COVID-19.

Ключевые слова: Китай, мягкая сила, пандемия, публичная дипломатия

Для цитирования: Юйхань, Попов С. И. Влияние политики «мягкой силы» Китая в Азиатско-Тихоокеанском регионе // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2022. Т. 22, вып. 3. С. 355–359. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2022-22-3-355-359>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

The impact of China's "soft power" policy in the Asia-Pacific region

Yuhan^{1,2}, S. I. Popov¹

¹Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), 6 Miklukho-Maklaya St., Moscow, 117198, Russia

²Inner Mongolia Normal University, 81 Zhaowuda St., Hohhot, Inner Mongolia Autonomous Region, China

Yuhan, 601247581@QQ.com, <https://orcid.org/0000-0003-3754-0257>

Sergey I. Popov, serjpo@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2171-5817>

Abstract. The article deals with topical issues of the implementation of China's "soft power" policy in the Asia-Pacific region. The growing influence of China's public diplomacy is demonstrated by the example of state programs of technological and economic development integrating tools of interaction with the governments of the Asia-Pacific states. The conclusion is made about the growing influence of China's promotional policy to strengthen its diplomatic positions in the Asia-Pacific region in overcoming the negative consequences of the crisis associated with the COVID-19 pandemic. China's "soft power" prospects in the region will continue to grow thanks to its economic resources and the creation of coalitions on international issues such as the COVID-19 pandemic.

Keywords: China, soft power, pandemic, public diplomacy

For citation: Yuhan, Popov S. I. The impact of China's "soft power" policy in the Asia-Pacific region. *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*, 2022, vol. 22, iss. 3, pp. 355–359 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2022-22-3-355-359>

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Внешнеполитическая доктрина современного Китая предполагает реализацию широкого спектра направлений социогуманитарного и культурного сотрудничества со многими государствами мира. На рубеже столетий правительство Китая стало все больше ценить значение

публичной дипломатии и «мягкой силы» для достижения своих внешнеполитических амбиций. В настоящее время они считаются наиболее эффективной дипломатической практикой не только в Азиатском регионе, но и во всем мире. В первом десятилетии XXI в. правительства ми-

ровых держав начали признавать, что публичная дипломатия и «мягкая сила» могут как сглаживать, так и обострять дипломатические разногласия и укреплять отношения между странами и народами. Китайское руководство признает, что взаимное доверие является главным компонентом публичной дипломатии и одним из путей повышения национального и международного имиджа государства, осуществляемого путем обретения международно признанной идентичности и реализации политики «мягкой силы» как компонента публичной дипломатии.

В 2021 г. и в последующий период Китай будет стремиться к углублению экономических, культурных и технологических связей по всему миру, руководствуясь своими национальными интересами. В феврале 2021 г. Китай выпустил 44-страничную Белую книгу «Кампания международного развития Китая в новую эпоху». Документ подтвердил расширяющиеся коммерческие отношения Пекина с эксклюзивным, но увеличивающимся списком стран инициативы «Один пояс, один путь» (BRI) с заявленной целью «создания еще более сильного сообщества общего будущего» [1, р. 7]. Китай надеется играть более активную дипломатическую роль в Африке, Юго-Восточной Азии и странах, расположенных вдоль маршрутов BRI, посредством более «разнообразных форм» сотрудничества в целях развития, помимо в основном финансовой помощи, описанной в Белой книге Государственного совета 2014 г. «Иностранная помощь Китая» [2, р. 310]. Это будет включать инициативы в технологической и фармацевтической промышленности. Китай сделал акцент на политике «мягкой силы» как способе стать более значимым игроком в международных делах и потратил огромные суммы на усиление культурного и гуманитарного влияния во всем мире. Современный Китай борется за то, чтобы стать крупной мировой державой не только благодаря своей растущей военной и промышленной мощи, но и с помощью инструментов «мягкой силы», таких как иностранная помощь и инвестиции, а также культурные и образовательные обмены. По мере того как Китай продолжает экономическую модернизацию, увеличивая свою долю в мировой торговле, оттачивается его дипломатическое мастерство и возрастает ценность китайского языка как средства культурной экспансии.

Кроме того, в новой Белой книге предлагаются новые обязательства по поддержке стран в их «планировании развития (规划)», фраза, которая перекликается с собственной системой разработки политики Китая, состоящей из пятилетних планов. В 14-м Пятилетнем плане, обнародованном в марте 2021 г., Китай стремится «способствовать тому, чтобы глобальная система управления стала более справедливой

и разумной» [1, р. 23]. Активный тон обоих заявлений знаменует собой отход от предыдущих пятилетних планов и официальных документов по развитию, в которых подчеркивался рост китайских экономических инвестиций (а не планирование или управление) в развивающемся мире. Это один из первых случаев, когда Китай заявил в политическом документе о своих амбициях по прямому взаимодействию с правительствами развивающихся стран. Это одновременно является признаком уверенности в успехе его собственной модели и признаком того, что его двусторонние международные дипломатические обязательства будут расти.

«Мягкая сила» определяется как способность нации влиять на предпочтения и поведение различных субъектов на международной арене (государств, корпораций, сообществ, общественности и т.д.) посредством привлечения или убеждения, а не принуждения. Для оценки реализации политики «мягкой силы» мировые рейтинговые агентства ежегодно предоставляют отчеты об индексе «мягкой силы» в мире. Так, выпущенный в марте 2022 г. отчет Brand Finance Global Soft Power Index 2022 [3] свидетельствует, что Китай добился лучших результатов в Глобальном индексе «мягкой силы», обогнав Японию и заняв первое место в Азии. Китай увеличил свой показатель Global Soft Power Index на +9,9 до 64,2, поднявшись с 8-го на 4-е место в общем рейтинге (таблица). Хотя результаты Китая могут стать неожиданностью для некоторых в западном мире, они были ожидаемы во многих развивающихся странах. Китай справился с пандемией, внедрив политику нулевого COVID, в рамках которой продолжалась политика изоляции, а также надежная программа массового тестирования и вакцинации. Источник «мягкой силы» Китая действительно коренится в экономической жизнеспособности и перспективах, которыми обладает Поднебесная. Но, несмотря на эти усилия, остается неясным, в какой степени мотивы Китая носят экономический, культурный или социальный характер, которые обобщает концепция «мягкой силы».

Brand Finance Global Soft Power Index 2022
(Глобальный индекс «мягкой силы»
Международной оценочной-консалтинговой
компании Бренд Финанс 2022)

Место	Страна	Оценка (макс. 100 баллов)
1	США	70.7
2	Великобритания	64.9
3	Германия	64.6
4	Китай	64.2
5	Япония	63.5
6	Франция	60.6
7	Канада	59.5
8	Швейцария	56.6
9	Россия	56.1
10	Италия	54.7

Пекин в настоящее время тратит около 10 млрд долл. США в год на спонсируемые государством программы по созданию имиджа в рамках цели Коммунистической партии, по сути, брендировать рынок Китая. Аналогичным образом, масштабы Отдела пропаганды КПК – Чжунсянбу (中宣部), официально Отдела пропаганды Центрального комитета, – только выросли при Си Цзиньпине. Отдел пропаганды финансировал в основном программы публичной дипломатии, которые признаются одним из аспектов «мягкой силы» и соответствуют государственному подходу Китая [4, р. 59].

Еще одним основным продуктом производства «мягкой силы» в Китае является обширная государственная медиасеть, которая может похвастаться многочисленными бюро внутри Китая и по всему развивающемуся миру. Хорошо финансируемые стратегии создания имиджа основаны на одном и том же повествовании: бесспорно впечатляющий экономический рост Китая, в ходе которого сотни миллионов китайцев были избавлены от нищеты.

Китай быстро использовал эту богатую денежными средствами стратегию создания имиджа для развертывания культурных, образовательных и межличностных обменов в рамках своего дипломатического инструментария. Как и Соединенные Штаты, Китай предоставляет гражданам развивающихся стран разнообразные возможности для общения с Китаем. Нельзя отрицать, что с 2014 г. Китай стал более привлекательным направлением и партнером для стран, особенно в сфере торговли, образования и туризма. Сегодня преподавание китайского языка интегрировано в системы государственных школ в Юго-Восточной Азии. Пекин добился значительного прогресса в развитии своей «мягкой силы», связанной с укреплением китайского языка, и в расширении своих возможностей по преобразованию таких ресурсов «мягкой силы» в желаемые политические результаты. Однако публичная дипломатия Поднебесной, связанная с китайским языком, все еще сталкивается с некоторыми серьезными препятствиями. Во-первых, усилия Пекина по продвижению китайского языка и китайской культуры могут быть омрачены долгой историей господства Китая в азиатском регионе. В частности, господство Китая как культурной державы иногда воспринимается Монголией как угроза. Во-вторых, все более напористая внешняя политика Пекина может поставить под угрозу усилия публичной дипломатии, которые сосредоточены на культурной привлекательности страны. В-третьих, публичная дипломатия Пекина в деле популяризации китайского языка

и культуры может столкнуться с фактором отсутствия политической легитимности внутри иностранных государств.

14-й пятилетний план Китая и «Белая книга» на 2021 г. описывают политику расширения дипломатического взаимодействия в рамках существующих экономических отношений страны. Публичная дипломатия сверху вниз, утверждающая экономическую мощь Китая, продолжит привлекать критически важные сектора принятия решений в недемократических государствах, особенно политиков и корпорации. Но использование «мягкой силы» для описания этого сдвига ложно предполагает американский стереотип – что Китай хочет, чтобы народы других стран поступали и думали так же, как его собственные, – что не подкреплено доказательствами [5, р. 320].

В то время как западные правительства рассматривают возможность предоставления вакцин против COVID-19 другим странам, особенно развивающимся, «вакцинная» дипломатия Пекина в Азиатско-Тихоокеанском регионе активизировала дебаты о растущей «мягкой силе» Китая. В материковой части Юго-Восточной Азии эффективные меры китайского правительства по сдерживанию вспышки пандемии внутри страны и оказанию помощи странам региона в связи с COVID-19 усилили «мягкую силу» Китая. Большинство стран континентальной Юго-Восточной Азии, за исключением Вьетнама, восприимчивы к китайской дипломатии COVID-19 [6, р. 342].

Пандемия COVID-19 является определяющим кризисом века. Это остро сказывается на жизни людей и средствах к существованию, усугубляет неравенство, толкая миллионы людей в нищету, и усиливает геополитическую конкуренцию. Кроме того, усилилась политизация пандемии в форме обвинений: особенно в первой половине 2020 г. Китай подвергся критике, главным образом в США и Европе, за отсутствие прозрачности в борьбе с пандемией. В регионе Юго-Восточной Азии Китай получил положительную реакцию за решительные, быстрые и эффективные меры реагирования на пандемию. Страны Юго-Восточной Азии одними из первых предложили Китаю политическую, дипломатическую и гуманитарную помощь.

Чтобы восстановить свой международный имидж, Китай предпринял строгую публичную дипломатию и конкретные действия на местах. После стабилизации ситуации внутри страны Пекин начал оказывать помощь в борьбе с COVID-19 другим странам и регионам. Пандемия создала стратегическую возможность для Китая проявить «мягкую силу» в материковой части Юго-Восточной Азии посредством дипло-

матии здравоохранения. В целом, «мягкая сила» Китая получила необходимый импульс в регионе.

Азиатско-Тихоокеанский регион стал наиболее благоприятной почвой для Китая в создании повествований в поддержку создания его имиджа и борьбы с пандемией. Китай имеет прочную основу для своей проекции «мягкой силы» в Юго-Восточной Азии, учитывая, что страны региона привлекают материальные ресурсы Китая. Экономические ресурсы, культурные ценности и технологические инновации являются основными источниками «мягкой силы» Китая. Страны Юго-Восточной Азии имеют высокие экономические ставки в своих отношениях с Китаем, что объясняет, почему они твердо поддерживают Китай в борьбе с пандемией. Лидеры государств Юго-Восточной Азии выразили протест против политизации пандемии и призвали к международному сотрудничеству и солидарности, в которых Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ) играет ключевую роль. На специальной встрече министров иностранных дел 14 февраля 2020 г. АСЕАН выразила «полную уверенность в способности Китая добиться успеха в преодолении эпидемии» [7, р. 101].

Китай разработал гуманитарный план, чтобы получить геополитическое преимущество, и сумел превратить пандемию COVID-19 в стратегическую возможность утвердить свою ведущую роль и расширить геополитическое влияние. Дипломатия здравоохранения стала важным инструментом для создания имиджа Китая как ответственной и доброжелательной глобальной державы. Это, конечно, может быть реализовано только после того, как Китай успешно пресечет вспышку у себя дома. Очевидно, что глобальное влияние Китая посредством проецирования «мягкой силы» будет более динамичным в постковидный период, но для этого требуется больше ресурсов и усилий.

Страны материковой части Юго-Восточной Азии (Камбоджа, Лаос, Мьянма, Таиланд и Вьетнам), которые считались наиболее уязвимыми к вирусной вспышке из-за своей геополитической близости и интенсивных контактов их населения с населением Китая, довольно хорошо справились с пандемией COVID-19, измеряемой количеством инфекций и уровнем смертности. Экономические последствия пандемии были колоссальными. Общие экономические показатели в 2020 г. были самыми низкими за последние десятилетия [8, р. 57].

Меры, принятые пятью правительствами материковой части Юго-Восточной Азии, включают ограничения на передвижение людей, отслеживание и отслеживание контактов, целенаправленное тестирование (тестирование лиц с

признаками или симптомами и бессимптомных лиц с недавним известным или предполагаемым воздействием). Подход, охватывающий все общество, эффективное руководство в кризисных ситуациях, межучрежденческая координация, совершенствование систем здравоохранения и принятие решений на основе фактических данных при технической поддержке и сотрудничестве со стороны Всемирной организации здравоохранения и международных организаций способствовали созданию эффективного механизма реагирования [9, р. 69].

Китай сыграл решающую роль в предоставлении медицинской информации и расходных материалов, таких как средства индивидуальной защиты, маски для лица и наборы для тестирования, а также в развертывании медицинских бригад в странах Юго-Восточной Азии для борьбы с пандемией; некоторые называют эту помощь «дипломатией масок для лица» или «дипломатией COVID-19» [10, р. 21]. В целом, Китай извлек из этого значительные политические выгоды в регионе.

Помощь Китая в борьбе с COVID-19 была интегрирована в программу долгосрочного развития страны по созданию сообщества с общим будущим. Китайские компании также оказали финансовую помощь региону. Фонд Alibaba, Фонд Джека Ма и Huawei запустили глобальные кампании по оказанию медицинской помощи. На национальном уровне китайские компании, которые инвестировали в материковую часть Юго-Восточной Азии, также выделяли ресурсы для поддержки национальных правительств. В Мьянме, например, китайские государственные энергетические компании Pengxin, Hengyi, CITIC Group и China Communication Constructions пожертвовали медицинские принадлежности на сумму около 2 млн долл. США. Китайские НПО также присоединились к миссии Китая по оказанию гуманитарной помощи странам региона. 4 мая спасательная группа «Голубое небо», одна из неправительственных организаций (НПО) в Китае, направила команду из 10 добровольцев в Камбоджу и пожертвовала медицинские принадлежности, чтобы помочь в борьбе с пандемией.

Китайская дипломатия в области здравоохранения получила международное признание благодаря своей информационно-коммуникационной стратегии. Посольства Китая, государственные СМИ и аналитические центры координировали усилия по структурному продвижению китайской дипломатии COVID-19. Посольства Китая были беспрецедентно активны в обмене информацией о мерах реагирования на пандемию, помощи другим странам и призыве к международной солидарности в борьбе с эпидемией.

Дипломатия Китая в области вакцин, направленная на продвижение многостороннего подхода к вакцинам с конца 2020 г. и превращение вакцины в глобальное общественное благо, получила высокую оценку саммита Ланьцанг-Меконгского сотрудничества. Выступая на саммите сотрудничества Ланьцанг-Меконг в августе 2020 г., премьер-министр Китая Ли Кэцян пообещал, что Китай будет уделять приоритетное внимание предоставлению вакцин против COVID-19 странам материковой части Юго-Восточной Азии. Государства региона отреагировали положительно, за исключением Вьетнама, который ищет другие источники вакцин. С точки зрения стратегического доверия и партнерства Китая, Камбоджа и Лаос находятся на первом уровне, Мьянма и Таиланд – на втором, а Вьетнам – на третьем. Камбоджа и Лаос являются убежденными сторонниками региональных инициатив Китая, таких как инициатива «Один пояс, один путь» (BRI) и сотрудничество Ланканг-Меконг (LMC), в то время как Мьянма и Таиланд более осторожны в отношении к Китаю. Вьетнам очень настороженно относится к намерениям Китая в регионе и, например, проявил определенную степень сопротивления BRI и выступил против предложения Китая о создании регионального секретариата для LMC.

Таким образом, Китай превратил кризис COVID-19 в окно возможностей для усиления своей «мягкой силы» путем обмена информацией и знаниями, предоставления медикаментов, развертывания медицинских бригад и предоставления вакцин. «Мягкая сила» Китая была немного усилена, основываясь на восприятии политиков или правящих элит, и его геополитическое влияние возросло в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Страны региона приветствовали и высоко оценили Китай за успешное подавление вспышки пандемии COVID-19, за оказание помощи в борьбе с болезнью и за продвижение дипломатии вакцин. Камбоджа и Лаос наиболее восприимчивы к помощи Китая, без особых сомнений в стратегических намерениях Китая. Таиланд и Мьянма также позитивно относятся

к Китаю, в то время как Вьетнам по-прежнему наиболее скептически относится к региональным намерениям Китая из-за сохраняющейся напряженности в Южно-Китайском море и относительно высоких антикитайских национальных настроений во Вьетнаме.

Список литературы

1. White Paper: China's International Development Cooperation in the New Era. The State Council Information Office 01. 2021. URL: <https://geopolitics.co/wp-content/uploads/2021/01/Chinas-International-Development-Cooperation-in-the-New-Era.pdf> (дата обращения: 01.03.2022).
2. Rahman S. Does the 'Belt & Road Initiative' Possess Soft Power? // *Contemporary Chinese Political Economy and Strategic Relations: An International Journal*. 2019. Vol. 5, № 1. P. 301–331.
3. Global Soft Power Index 2022: Brand Finance. URL: <https://brandirectory.com/softpower/> (дата обращения: 01.03.2022).
4. Kimball E. Global China: Global Governance and Norms. *Global China: Assessing China's Growing Role in the World*. Washington : Brookings Institution, 2020. 220 p.
5. Gattam P. COVID-19 and Chinese Global Health Diplomacy: Geopolitical Opportunity for China's Hegemony // *Millennial Asia*. 2020. Vol. 11, iss. 3. P. 318–340. <https://doi.org/10.1177/0976399620959771>
6. He Y. China's New Role in Global Governance: Shaping the Emerging World Order // *China Quarterly of International Strategic Studies*. 2017. Vol. 3, № 3. P. 341–355. <https://doi.org/10.1142/S2377740017500221>
7. Gill B. China's global influence: Post-COVID prospects for soft power // *The Washington Quarterly*. 2020. Vol. 43, iss. 2. P. 97–115. <https://doi.org/10.1080/0163660X.2020.1771041>
8. Kato Yoshikazu. Understanding Xi Jinping: Global Leadership with Chinese Characteristics // *AsiaGlobal Online*, Asia Global Institute, The University of Hong Kong. February 10, 2021. № 23. P. 56–61.
9. Lye L. The fight against COVID-19: China's shifting narrative and Southeast Asia // *ISEAS Perspective*. 2020. № 26. P. 67–75.
10. Xi J. China's influence in Asia: How do individual perceptions matter? // *East Asia (Piscataway)*. 2021. June 2. P. 20–22.

Поступила в редакцию 30.03.2022; одобрена после рецензирования 06.04.2022; принята к публикации 10.04.2022
The article was submitted 30.03.2022; approved after reviewing 06.04.2022; accepted for publication 10.04.2022